

Все с трудом оторвали нежные взгляды от своих тридцать восьмых. Коннорс набросился на Холла:

— Черт, парни, вы что, готовитесь к перестрелке в коррале О-Кей?

— Не путай, дружище, — отреагировал Холл, крутя барабан револьвера. Он защелкнул его на место и прицелился в конек палатки, обхватив револьвер двумя руками. — Мы не в коррале О-Кей. Мы в Безумных Джунглях. Перестрелка в Безумных Джунглях.

Холл подмигнул и одним глотком осушил колпачок своей фляги.

Боевая задача, на которую нас назначили, была простой: ранний утренний полет через перевал Ан Кхе в направлении Куинёна; между двумя тощими горными хребтами берем левее и наверх, к долине Винх Тханх, которую мы звали Долиной Счастья; высаживаем группы разведки и затем возвращаемся в зону посадки рядом с перевалом и ангаром (остаемся в боевой готовности). Пехота могла запросить помощь. Дивизия высылала такие разведгруппы с момента прибытия. Нам впервые посчастливилось поучаствовать в процессе.

Солдаты собрались на третьем ряду в зоне «Гольф». Каждая группа из десяти человек была прикреплена к своему вертолету. Пока мы проводили предполетную подготовку, солдаты следили за нами так, будто мы могли в любой момент убежать.

По случаю своей первой боевой задачи я надел самую чистую полевую форму и бронежилет, прихватил свой новенький тридцать восьмой в набедренной кобуре и натянул пару настоящих летных перчаток. Нам все никак не могли выдать нагрудную защиту. Я залез в кабину «Хьюи», подключил шлем к шнуру радиосвязи, подвесил его над головой и вылез обратно, чтобы помочь Коннорсу с предполетным осмотром.

— Ты не представляешь, сколько тупых ублюдков погубили себя, наплевав или положив болт на предпо-

летний осмотр. Запоминай все, что я покажу тебе сейчас, и повторяй это перед каждым вылетом.

Я кивнул. Мы стояли у грузового отсека с левой стороны вертолета.

— Первым делом проверим путевой лист.

Он раскрыл документ.

— Люди часто не замечают большой красный крест, который старший механик поставил на первой странице. Всегда читай его пометки. Помни, что это его машина, и он главный механик. Ты просто проверяешь его работу, поэтому всегда читай, что он пишет насчет состояния вертолета.

Коннорс сложил путевой лист и затолкал его в кармашек позади центральной панели. Затем он опустился на корточки рядом с вертолетом.

— Всем известно, что нужно сливать чуток топлива перед первым полетом, чтобы выгнать конденсацию влаги. — Он указал под брюхо «Хьюи». — Ставлю на то, что большинство сукиных сынов никогда этим не занимается.

Я подполз на четвереньках к дренажному клапану горючего, надавил на него и слил несколько капель топлива на землю. Воды внутри не было.

Коннорс продолжил осмотр, рассказывая мне о важных, на его взгляд, деталях, которыми часто пренебрегали остальные. Он знал машину назубок и идеально подходил на должность пилота-инструктора. Мы проверили хвостовой винт. Я размотал швартовочный ремень с винта и снял его. Мы подошли к правой стороне вертолета, и Коннорс забрался наверх, используя скрытые ступеньки между дверью пилота и дверью грузового отсека. Я последовал за ним. Плоская крыша «Хьюи» позволяла спокойно разгуливать во время проверки втулки и вала несущего винта, подушки коробки передач и тяги путевого управления. Коннорс показал мне контровочные проволоки наклонной шайбы, трубчатой тяги, стержня стабилизатора и демпферов системы управления. Мы

тщательно проверили гайку Иисуса¹ на самом верху вала, которая держала несущий винт.

— Все проверяют гайку Иисуса, но никто не ищет волосяные трещины на комлях лопастей, — продолжал Коннорс. — Что будет держать гайка Иисуса, если лопасть треснет и отвалится?

Я кивнул.

На рассвете мы забрались в кабину. На пластиковом корпусе фонаря отчетливо проступали паутинообразные трещины. Парень по имени Рэд, старший механик нашей машины, помог мне застегнуть ремни с правой стороны. Солнце уже залило кабину, воздух внутри быстро нагревался. Вокруг моего пояса начали расплываться темные пятна, я чувствовал, как пот стекает по моему потайному «дерринджеру». Не самая лучшая идея таскать его с собой. Я надел солнечные очки. Коннорс наблюдал из левого кресла в классической позе пилота-инструктора, которому все пофиг, но который следит за новичком в оба. Он скрестил руки поверх бронежилета, направил голову вперед, но косил глазами в мою сторону. Я провел проверку приборов по памяти и посмотрел на головную машину, которая стояла через два вертолета справа. Спустя две потные минуты командир звена из вертолета «Змей» помахал рукой, давая добро на запуск двигателя. Стартер взвизгнул, винты медленно задвигались, турбина поймала искру. Винты превратились в размытое пятно, мы были готовы к взлету. Я включил связь и проверил готовность старшего механика с пулеметчиком. В ответ раздались утвердительные щелчки.

— Не забудь попросить их проверить двери, — напомнил Коннорс.

Я кивнул и попросил парней проверить штифты, которые удерживали две скользящие двери в открытом

¹ Гайка, с помощью которой главный ротор крепится к вертолету. Если она не выдержит, то все, что останется, это молиться Иисусу, отсюда ее название. — *Примеч. ред.*

состоянии. Штифты были на месте. Без них двери могли сорваться с рельс и улететь с порывом ветра.

Вскоре шестнадцать невооруженных и четыре боевых вертолета были готовы к вылету на третьем ряду. Солдаты стояли рядом и ждали, когда мы начнем выдвигаться с парковочных мест.

Командир звена разбил нас на группы по четыре вертолета и назначил каждому отряду свой цвет в качестве позывного в строгом цветовом порядке: Желтый, Белый, Оранжевый, Красный. В пределах своего отряда у нас был номер, обозначающий позицию в построении. Мы с Коннорсом были Оранжевый-4. Каждая машина называла свой цвет и номер по очереди. Когда очередь добралась до нашего отряда, я услышал:

- Оранжевый-один, — Марстон.
- Оранжевый-два, — Вендалл.
- Оранжевый-три, — Нэйт.
- Оранжевый-четыре, — отозвался я.

Отряд Красных шел за нами. Мы зависли над землей, выдвинулись с парковочного места и опустились в конце длинной вереницы машин посередине третьего ряда.

Солдаты — или, как меня поправил Коннорс, «ворчуны» — начали запрыгивать на борт. Они были в полевой форме для джунглей и тащили на себе поясные сумки, карабины М-16, гранатометы М-79, ручные гранаты и флаги. На этом их арсенал заканчивался, они относились к нашей дивизии, поэтому мы постоянно подвозили им запасы. Три солдата втиснулись между старшим механиком и пулеметчиком на длинную скамейку поперек грузового отсека, еще три уселись на полу напротив, а оставшиеся устроились по двое у дверей. Десять ворчунов.

— Почему их стали называть «ворчунами»? — спросил я, пока пехотинцы копошились сзади.

— По уровню интеллекта, — ответил Коннорс.

— Надеюсь, они этого не слышали.

— Не волнуйся, Мэйсон. Мы все здесь ворчуны. Ты же не пошел в армию добровольцем?